

УДК [811.161.1:811.133.1]°25

И.Д. Матько

канд. филол. наук, доц., доц. каф. романо-германской филологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: i.macko@inbox.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСБАЛАНС ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЧАСТИЦЕЙ *РАЗВЕ* НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

*Исследование посвящено разработке типологических аспектов функционирования частиц при переводе текстов. Проводится прагма-сопоставительный анализ перевода русских вопросительных высказываний с вопросительной частицей **разве** на французский язык по пяти коммуникативно-прагматическим параметрам: presupпозиция, тип речевого акта, интерактивный статус, когерентность и диалогизм. Доказывается, что коммуникативные эффекты исходного и переводного высказываний значительно отличаются друг от друга. В силу этого установленный коммуникативный дисбаланс не позволяет признать французские средства перевода русской вопросительной частицы **разве** ее переводными коммуникативными эквивалентами.*

Глобальные процессы конца XX – начала XXI в., затронувшие все человечество и охватившие все стороны жизни людей, привели к значительному увеличению межкультурных контактов, в связи с чем роль переводческой деятельности, призванной обеспечивать эффективную межкультурную коммуникацию, заметно возросла. Новый этап в развитии теории и практики перевода поставил новые задачи как общего, теоретического, порядка, так и частного, практического характера. Проблема передачи коммуникативно-прагматических параметров высказываний при переводе представляет собой один из таких частных вопросов.

Сохранению и адекватная передача на другой язык коммуникативно-прагматических сегментов значения вызывает у переводчиков особые трудности, поскольку при подборе эквивалентов приходится учитывать, наряду с семантическими компонентами, большой комплекс взаимозависимых элементов экстралингвистического порядка: социокультурных, исторических, этнических, гендерных и др. Подобный интегрированный подход к переводу стал возможным с развитием коммуникативной лингвистики, в рамках которой были разработаны исследовательские методы, позволяющие в той или иной степени учитывать экстралингвистические факторы общения.

Одним из наиболее плодотворных коммуникативных направлений современной теории и практики перевода стала разработка концепции так называемой коммуникативной эквивалентности перевода (иногда употребляются близкие по значению термины «динамическая», «функциональная» эквивалентность [1; 2]). Благодаря исследованиям в этой области были описаны принципы коммуникативно-функциональной равнозначности исходного и переводного текстов [3, с. 95–98]; определены критерии эквивалентности [4]; выделены уровни эквивалентности [5, с. 186–191]. Значительный вклад в типологию переводческих трансформаций, осуществляемых для достижения эквивалентного перевода, внес Л.С. Бархударов [6].

В основу трактовки перевода как коммуникативного процесса легла методология анализа, разработанная Дж. Остином и Дж. Серлем в теории речевых актов [7; 8]. Одной из основных частей этой теории является разработка условий успешности речевого акта, реализуемой в перлокутивном эффекте. Применительно к переводу G. Jäger предложил называть его коммуникативным эффектом и определил, что успешным можно считать только тот перевод, при котором оба текста – исходный и переводной – совпадают по коммуникативной ценности, то есть вызывают одинаковый коммуникативный эффект [9, с. 87]. В свою очередь коммуникативный эффект является результа-

том взаимодействия целого ряда прагматических составляющих как всего текста, так и тех элементов, из которых он создается, т.е. высказываний – их иллокутивной силы, пресуппозиций, аргументативной ориентации, степени участия в обеспечении когерентности, их интерактивного потенциала и т.д. Таким образом, одним из важнейших условий успешности перевода всего текста является успешность перевода составляющих его элементов, то есть высказываний. Для этого необходимо, чтобы как исходное, так и переводное высказывания были эквивалентны по всем, в том числе и указанным выше, функционально релевантными признаками коммуникативной ситуации, описываемой высказыванием и далее текстом, который они составляют.

Функционирование этих компонентов коммуникативной ситуации во многом зависит от частиц, которые, по мнению Н.М. Николаевой «несут на себе весь максимум коммуникативного (в отличие от номинативного) пласта высказывания. Они передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе «общего фонда знаний», которая объединяет адресанта и адресата» [10, с. 14]. Вместе с тем перевод частиц, подбор коммуникативных эквивалентов для передачи их прагматического вклада в общий коммуникативный смысл высказывания долгое время представлял значительные трудности, связанные с отсутствием удовлетворительных методов анализа прагматического потенциала частиц. Однако благодаря многочисленным исследованиям (достаточно посмотреть библиографии к [11; 12]) было доказано, что прагматические значения дискурсивных слов могут быть описаны как комплекс операций (процедур) над планом содержания высказывания/текста, а именно – процедур отсылки к пресуппозициям [11; 12]. Это послужило основой для разработки процедурного метода анализа прагматического потенциала частиц, ставшему отправной точкой для большого числа работ в области прагматики этих слов. В результате было обнаружено и изучено многие новые свойства и функции частиц как особой группы дискурсивной лексики. Данный метод доказал свою надежность и эффективность и успешно используется для анализа эквивалентности перевода русских частиц на немецкий, английский и другие языки. Однако, несмотря на создание методологии анализа и значительные достижения в плане изучения перевода русских частиц на разные языки, исследования по их переводу на французский язык практически отсутствуют. Наша статья представляет собой попытку привлечь внимание к указанной проблеме, поскольку эта область сопоставительного анализа и переводческой деятельности остается пока, к сожалению, на периферии интересов лингвистов, занимающимися проблемами перевода с русского языка на французский.

Используя метод процедурного анализа, нами уже были исследованы переводы русских вопросительных высказываний (далее – РВВ) с вопросительными частицами (далее – ВЧ) *неужели/разве* на французский язык по трем прагматических параметрам: иллокутивной силе, пресуппозициям, аргументативной ориентации [13, с. 40–50]. Путем сопоставительного анализа исходных вопросительных высказываний с частицами *неужели/разве* и их переводных вариантов на французском языке было установлено, что эти три прагматических компонента русского и французского высказываний совпадают только при переводе РВВ с ВЧ *неужели*. На основании полученных данных был сделан вывод о том, что только в случае с частицей *неужели* коммуникативные эффекты русского и французского вопросительных высказываний равнозначны, и поэтому РВВ с ВЧ *неужели* эквивалентны по своей коммуникативной ценности французскому переводному высказыванию [13, с. 48]. Следовательно, французские языковые средства перевода ВЧ *неужели* были признаны прагма-коммуникативными эквивалентами этой частицы.

В то же время в результате анализа перевода на французский язык другой ВЧ – *разве* – был выявлен «почти полный дисбаланс прагматических параметров русского и французского вопросительных высказываний. При этом происходит потеря значи-

тельной части прагматической информации, содержащейся в русском вопросительном высказывании с данной частицей, поэтому коммуникативно-прагматическая ситуация исходного русского вопросительного высказывания с вопросительной частицей *разве* не соответствует коммуникативно-прагматической ситуации переводного французского вопросительного высказывания» [13, с. 49]. Обратим, однако, внимание на то, что коммуникативный дисбаланс был отмечен лишь в 80 % изученных примеров РВВ с ВЧ *разве*, поэтому для уточнения и подтверждения или опровержения сделанного вывода требуется, по нашему мнению, расширить спектр анализируемых прагматических параметров. Опираясь на полученные данные, мы предполагаем, что расширенный анализ позволит выявить дальнейшие расхождения в коммуникативном потенциале и, соответственно, коммуникативном эффекте РВВ с ВЧ *разве* и их переводных французских вариантов. На этом основании появится возможность дать объективную характеристику тем языковым средствам, которые используются для перевода этой частицы на французский язык и решить вопрос о правильности / неправильности выбора их переводчиком.

Материалом для сопоставительного анализа послужили 25 РВВ с ВЧ *разве*, обнаруженные методом сплошной выборки из трех произведений А.П. Чехова: «Три сестры», «Дядя Ваня», «Чайка» (далее – ТС, ДВ, Ч) [14; 15].

Было установлено, что основными способами перевода РВВ с ВЧ *разве* на французский язык являются четыре грамматические модели:

№ 1. *Разве* я не сумасшедший? (Ч, с. 38). – Ne *suis-je* pas fou? (Всего 9 примеров)

№ 2. *Разве* открытие Коперника или, положим, Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудачком, не казался истиной? (ТС, с. 122). – *Les découvertes de Copernic*, ou, disons, de Christophe Colomb, n'*ont-elles* pas d'abord *paru* inutiles et risibles, alors qu'on ne cherchait la vérité que dans les phrases alambiquées d'un quelconque original? (Всего 5 примеров)

№ 3. Что ж? *Разве* я не понимаю? (ДВ, с. 80). – Bah ! *est-ce que je* ne *comprends* pas cela? (Всего 9 примеров)

№ 4. Если бы я жил в такой усадьбе, у озера, то *разве* я стал бы писать? (Ч, с. 60). – Si j'habitais une propriété pareille, près du lac, *est-ce que je songerais* à écrire? (Всего 2 примера).

Схематично соответствующие французские вопросительные высказывания могут быть представлены следующим образом:

№ 1. _____ ?

№ 2. _____, _____ ?

№ 3. Est-ce que _____ ?

№ 4. Est-ce que _____ (Условное наклонение – Conditionnel)?

Две первые модели представляют собой лишь варианты инверсии, поэтому могут быть объединены; третья и четвертая модели также схожи по своей структуре, поэтому можно утверждать, что существует два основных способа перевода ВЧ *разве* на французский язык:

1) инверсия; инверсия + реприза (всего 14 примеров);

2) вопросительный оборот *est-ce que* (9 примеров); вопросительный оборот *est-ce que* + Conditionnel (2 примера).

Обратим внимание на то, что лексема *разве* передается на французский язык не одноуровневой лексической единицей, а комбинацией грамматических (и только грамматических) средств. Такая трансформация, во-первых, позволяет поставить под сомнение эквивалентность перевода; во-вторых, является подтверждением, хотя и косвенным, предположения о том, что расширение спектра изучаемых прагматических компонентов РВВ и переводного высказываний сможет подтвердить гипотезу о наличии коммуникативного дисбаланса между исходными РВВ с ВЧ *разве* и переводными высказываниями. Напомним, что отправной точкой всякого прагматического исследования час-

тиц является описание механизмов влияния частиц на пресуппозитивный фон высказывания, что мы и предпримем в первую очередь (1). Полученные данные послужат основой для прагма-сопоставительного изучения РВВ с ВЧ *разве* и их переводов на французский язык по четырем другим параметрам: тип речевого акта (2), интерактивный статус реплик (3), роль высказывания в обеспечении когерентности дискурса (4) и диалогизм дискурса (5).

1. Первичной функцией вопросительного предложения является выражение вопроса [16; 17]. Это означает, что степень как осведомленности, так и неосведомленности о запрашиваемой информации у человека, задающего общий вопрос, одинакова. Теория пресуппозиций в таком случае говорит о двух одинаково релевантных пресуппозициях общего вопроса: Р? Да, Р (50 %) / Нет, не-Р (50 %).

Между тем, как отмечает А.Н. Баранов, речевой акт вопроса с ВЧ *разве* имеет своей пресуппозицией убеждение говорящего в том, что какой-либо факт или событие противоречат тому, что имеет место в действительности, так как с помощью речевого акта вопроса с ВЧ *разве* говорящий стремится «разрешить возникшее противоречие между собственными убеждениями и обстоятельствами, которые им не соответствуют» [18, с. 123]. Следовательно, при использовании ВЧ *разве* пресуппозицией общего вопроса становится **Сомневаюсь, что Р**. Таким образом, использование ВЧ *разве* в общем вопросе делает его пресуппозитивный фон скорее отрицательным. Мы наблюдаем сужение пресуппозитивного поля РВВ, благодаря чему оно становится прагматически более однозначным.

Во французском переводе аналогичное сужение пресуппозитивного поля наблюдается только в том случае, когда глагол стоит в условном наклонении *Conditionnel*, так как *Conditionnel* может передавать сомнение [19, с. 325, 329]. Следовательно, пресуппозитивный фон РВВ с ВЧ *разве* полностью соответствует пресуппозитивному фону французского высказывания только в 2 примерах (что составляет лишь 8 % случаев), где для передачи прагматического потенциала ВЧ *разве* использован *Conditionnel*.

Основные же французские средства перевода РВВ высказывания с ВЧ *разве* – инверсия и вопросительный оборот *est-ce que* (всего 23 примера, или 92 % случаев) – не могут, как было доказано в [13, с. 44], влиять на пресуппозитивный фон французского вопросительного высказывания, в силу чего оно сохраняет две одинаково релевантные пресуппозиции: Да, Р / Нет, не-Р. Сохранение французским вопросительным высказыванием более широкого, по сравнению с РВВ, диапазона пресуппозитивного фона делает его менее однозначным, поскольку для уточнения его семантико-прагматического потенциала нужен контекст.

Проведенный анализ показывает, что по первому исследуемому прагматическому компоненту, участвующему в достижении коммуникативного эффекта – пресуппозициям – исходное и переводное высказывания значительно (в 92 % случаев) отличаются, поэтому коммуникативные эффекты РВВ с ВЧ *разве* и их французских переводов неравноценны, и, таким образом, коммуникативная ситуация, отражаемая русским текстом, искажается при переводе.

2. Подобная трансформация пресуппозитивного фона РВВ, произошедшая именно благодаря ВЧ *разве*, влияет на прагматический статус русского вопросительного речевого акта: из разряда прямых речевых актов (запрос информации) он переходит в разряд косвенных речевых актов (отношение к запрашиваемой информации). Изменение прагматического статуса русского вопросительного РА приводит к тому, что прагматический компонент в его составе выходит на первый план, а иногда становится доминирующим, полностью сосредоточенным в ВЧ *разве*, что подтверждается указанием И.Б. Дягилевой на способность частицы *разве* «выступать в роли самостоятельного высказывания» [20, с. 114].

Но как раз именно это факт, на который следует прежде всего обращать внимание при переводе ВЧ *разве*, не отражается во французском речевом акте, поскольку основные французские средства перевода – инверсия и вопросительный оборот *est-ce que*, что составляет, напомним, 92 % всех случаев – сохраняют инвариантное значение общего вопроса – запрос информации. Тем самым французские вопросительные высказывания выступают в своем инвариантном значении вопросительности и представляют собой прямые речевые акты. Исключение составляют 8 % французских высказываний, где переводным эквивалентом ВЧ *разве* выступает *Conditionnel*, благодаря которому французские вопросительные речевые акты претерпевают трансформацию, аналогичную русским вопросительным речевым актам, и превращаются в косвенные речевые акты.

Неодинаковые типы речевых актов – русский косвенный РА и французский прямой РА – обладают и разной иллокутивной силой, следовательно, и результаты воздействия их иллокутивных сил – коммуникативные эффекты – также не совпадают, и происходит это в 92 % случаев.

3. Обычно в диалоге вопросительная реплика является «выпадом», предполагающим ответную реакцию, т.е. играет «инициативную», а не «реактивную» роль. Однако ВЧ *разве*, благодаря которой прямой речевой акт трансформируется в косвенный, изменяет также интерактивный статус вопросительной реплики: РВВ с ВЧ *разве* становится своего рода «вопросом-реакцией» [21, с. 123]. 92 % французских вопросительных реплик не меняют своей интерактивной роли и сохраняют статус «выпада», поскольку представляет собой прямые речевые акты вопроса. 8 % французских реплик, в которых глагол стоит в *Conditionnel*, становятся косвенными речевыми актами и, соответственно, меняют свой интерактивный статус, как и РВВ с ВЧ *разве*, превращаясь в «вопрос-реакцию». И снова в подавляющем большинстве случаев (92 %) мы наблюдаем неэквивалентную передачу важного прагматического параметра диалогического взаимодействия, а именно – несовпадение интерактивных статусов исходной и переводной реплик диалога, что приводит к искажению коммуникативной ситуации, описываемой русским текстом.

4. Представленные выше различия прагматических свойств РВВ с ВЧ *разве* и их французских переводов влияют на еще одну важную категорию текста – его когерентность, основу которой составляют анафорические и катафорические связи текстовых компонентов.

Как было отмечено в п. 3, благодаря ВЧ *разве* русская вопросительная реплика становится «вопросом-реакцией», то есть анафорическая связь (вопрос-реакция) – связь с предыдущим контекстом – становится доминирующей. 92 % французских вопросительных реплик, в которых нет *Conditionnel*, сохраняющих свое инвариантное значение – запрос информации и свой интерактивный статус вопроса-выпада, ориентированы преимущественно на последующий контекст (катафорическая связь), поскольку вопросительная реплика-выпад задается с целью получить ответ. Таким образом, преобладающие когерентные связи РВВ с ВЧ *разве* и их французских переводов – разнонаправленные в большинстве (92 %) исследуемых примеров.

Остановимся более подробно на характере описанных выше анафорических и катафорических связей.

4.1. Благодаря присутствию в РВВ частицы *разве*, не только отсылающей к предыдущему контексту (пресуппозиции) и определяющей тем самым анафорические связи РВВ, происходит еще и отбор из двух анафорических векторов (*P / не-P*) только одного (*не-P*). Таким образом, анафоричность РВВ с ВЧ *разве* носит одновекторный и, следовательно, более однозначный характер, что подразумевает наличие тесной связи с конкретным предыдущим контекстом. Анафоричность французского высказывания по меньшей мере двухвекторна (благодаря наличию двух одинаково релевантных пресуппозиций (*P / не-P*)). Это означает, что для определения точной (одной из двух) пресуппозиций Слушающему приходится опираться не только на конкретный предыдущий

контекст высказывания, но и на еще один возможный (виртуальный) контекст, содержащий вторую из двух возможных пресуппозиций. Следовательно, французское переводное высказывание менее зависимо от конкретной коммуникативной ситуации, и это делает французский диалогический дискурс менее плотным, менее когерентным, чем исходный русский диалогический дискурс, в котором используется ВЧ частица *разве*. Исключения составляют лишь 8 % французских вопросительных высказываний с *Conditionnel*, имеющих ту же одновекторную пресуппозицию, что и ВРР с ВЧ *разве*; благодаря этому анафорическая связь французских вопросительных высказываний с *Conditionnel* становится такой же прочной, как и у исходных РВВ с ВЧ *разве*.

4.2. Катафорическую связь высказывания мы рассмотрим с точки зрения теории аргументации, разработанной J.-Cl. Anscombre и O. Ducrot [22]. Согласно этой теории смысл высказывания задается Говорящим с помощью аргументативных инструкций, которые, в свою очередь, заставляют Слушающего настраиваться на вывод, «закодированный» Говорящим в лингвистическую структуру своего высказывания-аргумента. В ряде случаев именно частицы служат теми «аргументативными инструкциями», с помощью которых Говорящий ориентирует Слушающего к определенному выводу.

Общие вопросы, имея одинаково релевантные пресуппозиции Р / не-Р, в трактовке теории аргументации являются аргументами в пользу одинаково вероятных ответов-выводов Да, Р / Нет, не-Р (где Р – пропозициональное содержание высказывания): Р? > Да, Р / Нет, не-Р.

Введение в русское вопросительное высказывание ВЧ *разве*, у которой доминирует отрицательная пресуппозиция Не-Р, меняет степень этой вероятности, т.е. его аргументативную ориентацию, и более вероятным становится ответ «Нет, не-Р»: Разве Р? > Нет, не-Р. Правильность этого вывода, основанного на постулатах теории аргументации, подтверждается результатами исследования семантики частицы *разве*: ей присуще «выражение уверенности в противоположном ответе» [16, с. 647].

Таким образом, во-первых, ВЧ *разве* выполняет функцию аргументативной ориентации высказывания, чем задает катафорический вектор когерентности. Во-вторых, катафорический вектор РВВ с ВЧ *разве* один: Нет, не-Р, поэтому эта катафоричность одновекторна и, следовательно, более однозначна. Однозначность РВВ, достигаемая именно благодаря ВЧ *разве*, подразумевает установление более тесной связи с последующим контекстом, и в этом случае ВЧ *разве* способствует усилению катафорической связи диалогического дискурса. Столь же однозначную и прочную катафорическую связь обеспечивает во французском вопросительном высказывании *Conditionnel*, но происходит это лишь в 8 % исследуемых примеров. В остальных 92 % переводных вопросительных высказываниях одновекторная катафоричность не сохранена, поскольку инверсия и вопросительный оборот *est-ce que* аргументативно ориентируют вопрос к двум одинаково релевантным выводам Да, Р / Нет, не-Р. Из этого следует, что катафорический контекст у французского вопросительного высказывания более широк, поскольку допускает два одинаково релевантных вывода; одновременно связь французского вопросительного высказывания с последующим контекстом не столь сильная, как у исходного РВВ с ВЧ *разве*. Таким образом, переводное французское вопросительное высказывание делает дискурс менее спаянным, менее когерентным, чем исходный русский вариант.

Как видим, именно благодаря ВЧ *разве* как анафорические, так и катафорические связи русского диалогического дискурса более прочные, в отличие от французского диалогического дискурса, в котором основные переводные средства русской ВЧ *разве* не обеспечивают степень связности, эквивалентную русскому диалогическому дискурсу, в 92 % примеров.

5. Для Слушающего ментальные процедуры по анализу русского высказывания оказываются менее сложными, поскольку говорящий с помощью ВЧ *разве* уже «ото-

брал» пресуппозиции и аргументативную ориентацию для РВВ с ВЧ *разве*. Одновременно использование ВЧ *разве* свидетельствует о равнодушном отношении Говорящего к общению, о его большей заинтересованности в диалоге, стремлении привлечь Слушающего к диалогу, поэтому русский дискурс более диалогичен. Наряду с этим для него характерны более высокая степень категоричности и конфронтационности, поскольку, во-первых, Говорящий негативно оценивает мнение Слушающего/Другого, ставя его под сомнение с помощью модальности сомнения, присущей частице *разве*; показывает, что он учитывает точку зрения Слушающего, не доверяя, вместе с тем, ему, и предугадывает Голос Другого – Слушающего – его возможные контрдоводы, возражения. Во-вторых, с помощью частицы *разве* Говорящий однозначно ориентирует Слушающего/Другого к одному (а не к двум возможным) выводам-аргументам, не предоставляя тем самым Слушающему свободы выбора. И наоборот, французский дискурс более нейтрален, так как Говорящей, используя лишние всякой модальности конструкции (инверсию и вопросительный оборот *est-ce que*), не ставит под сомнение точку зрения собеседника – Другого. Он более позитивен, так как не выбирает вместо собеседника пресуппозиции и не навязывает Слушающему/Другому аргументативные выводы.

Заключение

Еще в 1985 г. Т.М. Николаева выдвинула тезис о «принципиальной непереводаемости частиц», объяснив это их «неуловимой» семантикой [10]. Как и ранее проведенное нами исследование [13], так и настоящая статья подтверждают тот факт, что переводчику не всегда удается найти прагматические эквиваленты частицам и сохранить тем самым коммуникативный баланс между коммуникативной ситуацией, описываемой исходным текстом, и той, что отражена в переводном тексте.

В 92 % изученных примеров был выявлен коммуникативный дисбаланс между исходными РВВ с ВЧ *разве* и их переводами на французский язык по таким важным прагматическим параметрам, как пресуппозитивный фон, тип речевого акта, интерактивный статус реплик, когерентность и диалогичность дискурса. Было доказано, что коммуникативный эффект РВВ с ВЧ *разве* не совпадает с коммуникативным эффектом переводного высказывания по всем исследованным критериям, следовательно, нельзя говорить коммуникативной эквивалентности перевода. В силу этого два основных способа перевода на французский язык РВВ с ВЧ *разве* – инверсия и вопросительный оборот *est-ce que* – не могут быть признаны коммуникативными эквивалентами соответствующих исходных высказываний, а сам перевод не может считаться успешным. Таким образом, проблема установления коммуникативно-прагматических эквивалентов для перевода русской ВЧ *разве* на французский язык остается актуальной для переводной пары русский/французский язык.

Полученные данные свидетельствуют о насущной необходимости прагма-сопоставительного описания частиц и важности их изучения как для теории, так и для практики перевода с целью совершенствования методов поиска средств эквивалентной передачи прагма-коммуникативного потенциала частиц для достижения коммуникативного баланса между исходным и переводным текстами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nida, E. A. Language structure and translation / E. A. Nida. – Stanford : Stanford University Press, 1975. – 283 p.
2. Кэтфорд, Дж. К. Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики : пер. с англ. / Дж. К. Кэтфорд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
3. Львовская, З. Д. Современные проблемы перевода : пер. с исп. / З. Д. Львовская. – М. : ЛКИ, 2008. – 224 с.

4. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
5. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Heidelberg : Wuelle, 1983. – 343 s.
6. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
7. Austin, J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. – New York : Oxford University Press, 1962. – 112 p.
8. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. – Cambridge : University Press, 1969. – 204 p.
9. Jäger, G. Translation und Translationslinguistik / G. Jäger. – Halle, 1975. – 218 p.
10. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1985. – 135 с.
11. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 208 с.
12. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 446 с.
13. Матько, И. Д. К вопросу о прагматических эквивалентах: перевод русских вопросительных частиц неужели/разве на французский язык / И. Д. Матько // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2014. – № 2 (159). – С. 40–50.
14. Чехов, А. П. Пьесы / А. П. Чехов. – М. : Дет. лит., 1972. – 223 с.
15. Tchekhov, A. P. [Electronic resource]. – Date of access: Mai, 2013.
16. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980.
17. Русская грамматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.shd.ru/projects/gram/index1.html>. – Дата доступа: 30.08.2013.
18. Баранов, А. Н. «Предложение» vs «факт»: неужели vs разве / А. Н. Баранов // Zeitschrift für Slavistik. – 1986. – № 1. – S. 119–131.
19. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
20. Дягилева, И. Б. Вопросительные частицы: контекстуальный анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Б. Дягилева. – СПб., 2002. – 173 л.
21. Булыгина, Т. В. Особые типы общевпросительных предложений / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис : коллектив. монография / под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1992. – С. 110–127.
22. Anscombe, J.-C. L'argumentation dans la langue / J.-C. Anscombe, O. Ducrot. – Bruxelles : Mardaga, 1983. – 184 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2015

Matko I.D. Communicative Misbalance in Translation of Russian Question Interpretation with a Particle *разве* in the French Language

*Russian interrogative particle **разве** and the set of linguistic means used to translate it into French are examined on five pragmatic criteria: presuppositions, type of speech act, interactive status, coherence and dialogism. It has been proved that communicative effects of Russian and French utterances are not identical. Therefore the established communicative misbalance does not allow considering the set of linguistic means used to translate Russian interrogative particle **разве** into French as its communicative equivalents. The material of the article can be useful for typological and pragmatic research of particles as well as for the theory and practice of translation.*